

АНАТОЛИИ КУКЛИН (Йошкар-Ола)

РАЗНОВИДНОСТИ АССИМИЛЯЦИИ ГЛАСНЫХ И СОГЛАСНЫХ В КРАСНОУФИМСКОМ ГОВОРЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

1. Гармония гласных

Гармония гласных, одна из разновидностей ассимиляции звуков в области вокализма, характерна для многих агглютинативных языков, в частности тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, отдельных финно-угорских. Установлено, что фонологическая природа сингармонизма во всех алтайских языках принципиально одинакова, различия усматриваются лишь в том, по какому вокалическому признаку он проводится в данном языке (Черкасский 1965 : 72). В марийском языке и его диалектах уподобление гласных основывается на признаках ряда и огубленности, в связи с чем соответственно различаются две разновидности гармонии: палатальная и лабиальная.

1.1. Палатальная гармония. По закону палатальной гармонии в слове могут выступать гласные только одного ряда (Грузов 1964 : 140—142; 1969 : 138—140; Исанбаев 1975 : 21; Галкин 1981 : 32). Тем не менее почти в каждом говоре обнаруживаются случаи, не подчиняющиеся этой закономерности. Так, в основных говорах лугового наречия особое безразличие по отношению к предшествующим звукам проявляют *a, ä* (Грузов 1969 : 139; Галкин 1981 : 37). В красноуфимском говоре (КУ) к таковым относятся переднерядные *i, e*, не имеющие заднерядной параллели. Будучи нейтральными в отношении гармонии гласных, они могут употребляться как после палатальных, так и после велярных гласных: *päri* 'нечистая сила', *jori-ak* 'нарочно', *pudi* 'клещ', *köyerçe-n* 'голубь', *lä-mbe* 'налим', *pače-mše* 'оса', *poremda-š* 'лечить'. Аналогичные случаи представлены в горном и северо-западном наречиях. Характеризуя их в диалектах западного типа, И. С. Галкин пришел к выводу, что нейтральность *e, i* в отношении сингармонизма является следом домарийского явления (Галкин 1981 : 37). Однако, как бы то ни было, гармония гласных по ряду в КУ проявляется наиболее четко. Исключение составляют новорусизмы, имеющие в говоре четко выраженную тенденцию к разрушению (деградации) гармонии. Особенно отчетливо это прослеживается в речи представителей младшего и среднего поколений, старающихся максимально приблизить произношение иноязычных слов к фонетическому облику оригинала: *βelosipe-t* < рус. *velociped*, *suši-lka* < рус. *сушилка*. Напротив, в старорусизмах, тюркизмах и словах исконно марийской лексики этот фонетический закон строго соблюдается: *βüt* (орф. *вүд*) 'вода' — *βüdü-n* 'водянистый', *βüdüñdä-š* 'делать водянистым'; *tih* 'ты' — *ti-ñät* 'тебя', *ti-ñän* 'твой'; *ak* 'цена', общемар. *ak ~ *xäk < булг. (др.-чув.) *xäk 'цена' (Гордеев 1979 : 66) — *akla-š* 'ценить', *aklalta-š* 'цениться'; *šü-βär* 'волынка' < чув. *uänär* 'волынка' —

šü·βärzö 'играющий на волынке'; kō·zlāk 'очки' < тат. күзлек 'очки' — kō·zlākän 'за очками', kō·zlākšö 'его очки'; βiä·lkä 'веялка' < рус. обл. *виелка* (СРГСУ I 80) — βiä·lkälän 'за веялкой'; čä·jñäk < рус. *чайник* — čä·jñäkš 'в чайник'. Здесь палатальная гармония по своему направлению прогрессивна: гласный начального слога уподобляет себе гласные последующих слогов по ряду, а также в огласовке всей словоформы (всего слова) доминирующее положение занимает фонетический облик корневой морфемы, придающий соответствующую окраску аффиксам. Однако прогрессивная гармония — не единственно возможный вид ассимиляции: КУ свойственно и обратное явление — регрессивный сингармонизм, при котором гласные последующих слогов оказывают влияние на предшествующие. Причина такого рода уподобления кроется в перемещении основного словесного ударения к концу слова: βičämbä·lne 'на сеновале' < βičä· + ümbä·lne, kəñerä·š 'мера ниток', püyü·lmö 'шишки хвойных деревьев' < pu + kü·lmö (Исанбаев 1975 : 27), šärpü· 'галька, камешек' < šar + kü, šärpü·ške 'волосатик' < šar + ki·ške, izβe·r < рус. *зверь*, šäži·n < рус. *сажень* šäjillä·š < рус. *шалить*. Регрессивная гармония в КУ не имеет широкого распространения, что объясняется ее поздним происхождением.

1.2. Лабиальная гармония. Она тесно связана с палатальной: конечный гласный слова (словоформы) уподобляется ударному гласному не только по огубленности или неогубленности, но и по принадлежности к тому или иному ряду (Грузов 1964 : 143; 1969 : 140): βo·čko 'бочка', kno·pko 'кнопка', tü·marzö 'барабанщик', šö·rəšio 'на краю'. Ударному гласному нередко уподобляются и гласные середины слова: βu·jpučunžo 'с его (ее) головы', nu·pido 'густой'. С переходом ударения на неогубленный гласный изменяется фонетический облик конца слова: ku·pəšio 'в болоте' — kupla·šte 'в болотах'. Ассимиляция, основанная на воздействии ударного гласного на конечный, не всегда последовательно соблюдается в новорусизмах, где имеет место иной способ уподобления: здесь огласовка конечного гласного не зависит от качества ударного, а определяется артикуляционными признаками того гласного, который оказывается ближайшим к исходному: если лабиальные, *o*, *u*, то в позиции конца слова появляется *o*, если же иллабиальные — то *e* (Патрушев 1970 : 140): mehañiza·tor — mehañiza·toržo, a·βyust — a·βyustšo, isto·čnik — sito·čnikše. В отличие от говоров лугового наречия и литературного языка в КУ наблюдается тенденция ставить словесное ударение на завершающем слоге слова: korno· — лит. *ко·рно* 'дорога', küžyö· — лит. *кү·жгö* 'толстый', роңго· — лит. *по·нго* 'гриб', pörtöštöžö· — лит. *пö·ртыштыжö* 'в его доме', šürtö· — лит. *шү·ртö* 'нитка, нитки'. Такая особенность не нарушает стройную систему лабиальной гармонии прогрессивного характера, но конечный гласный, принимая на себя ударение, перетягивает и регулирующий центр механизма уподобления. Ассимиляция идет уже в направлении от конца слова к его началу (регрессивная лабиальная гармония): yalanka· < рус. *голландка*, kamanda· 'семья' < рус. *команда*. При сохранении ударения на одном из последних слогов заимствованных слов функциональная возможность уподобления возрастает: roβo·či < рус. *рабо·чий*, roβo·ñäk < рус. *разбо·йник*, čoko·ñ < рус. *чехо·нь*, čöloβo·t < рус. *пчело·во·д*, čosno·k < рус. *чесно·к*. Уподобление такого порядка осуществляется в структуре русизмов, т. е. данный процесс стал активизироваться на позднем этапе развития говора.

Приведенный материал показывает, что обе разновидности сингармонизма являются живой действующей нормой КУ. В зависимости от направления процесса уподобления они подразделяются на прогрессивный

и регрессивный: первый широко распространен в исконно марийских и иноязычных словах, второй — в заимствованных лексемах.

2. Ассимиляция согласных

Уподобление соседствующих звуковых сегментов или близкостоящих согласных звуков — одно из фонетических явлений консонантизма. В зависимости от структуры и особенностей фонетической системы в конкретных языках оно проявляется по-разному. Так, в мишарском диалекте татарского языка выделяются три типа ассимиляции — губная, носовая и по участию голоса (Махмутова 1978 : 101), в демском говоре башкирского языка ассимиляция аффиксальных согласных проявляется лишь по линии сонорных (Миржанова 1979 : 193—194). В марийском языке в силу особенностей его артикуляционной базы уподобление звуков происходит по звонкости или глухости, способу образования (СМЯ 120; Грузов 1964 : 232; 1969 : 189) и месту артикуляции. Оно может быть частичным или полным, проявляться в прогрессивном или регрессивном направлении.

2.1. В модификации согласных звуков КУ не имеет существенных отличий от других марийских диалектов. Из всех видов уподобления согласных в нем наиболее распространена прогрессивная ассимиляция по участию голоса. Суть ее состоит в том, что глухие согласные подвергаются ассимилятивным воздействиям и озвончаются, оказавшись в позиции после сонорных, а также звонких *z*, *ž*, *ž*. После других согласных они сохраняют глухость. Такого рода ассимиляция представляет собой древнее и весьма распространенное фонетическое явление, поэтому ее действию подчиняются как исконные слова, так и заимствования. Она может происходить в ряде случаев.

2.1.1. В корне (или основе) слова. Эта закономерность выявляется при сравнении марийских лексем с аналогичными словами родственных языков. Так, в истории марийского языка глухие смычные *t*, *k*, *p* в середине слова в сочетаниях *-nt-*, *-ŋk-*, *-mp-* под ассимилятивным влиянием сонантов озвончились соответственно в *δ*, *γ*, *b*: *konδa-š* 'приносить, приводить', ср. ур. **kanta-* (Alvge 1981 : 56); *o-ŋpo* 'петля', ср. ф.-у. **oŋke* (Alvge 1981 : 57); *šo-ŋpo* 'старый', ср. ф.-у. **soŋkz* ~ **soŋz* (Alvge 1981 : 57); *lo-mbo* 'черемуха', ср. удм., коми *льѓм пу* 'черемуха', *šu-mba* 'ботало', ср. фин. *sompa* 'кружок лыжной палки'.

В русских заимствованиях такое уподобление происходит по аналогии с исконными словами: *konδo-r* < *контора*, *konδrolo-r* < *контролер*, *žilinpa* 'бранка, дрань' < рус. обл. *зелинка* (СРГСУ I 192, 154), *komba-s* < *компас*, *komble-kt* < *комплект*, *kombo-st* < *компост*, *kombre-s* < *компресс*, *la-mbe* < *лампа*.

2.1.2. На стыке основы и словообразующего или словоизменительного аффикса. В результате многие аффиксы стали иметь параллельные формы, начинающиеся либо с глухой, либо со звонкой согласной фонемы. Первичны глухие, звонкие фонемы обязаны своим происхождением ассимилятивным воздействиям предшествующих сонорных или согласных *z*, *ž*, *ž* (Лаврентьев 1966 : 201): *koγarγa-š* 'подгореть' — *roštka-š* 'ломать', *üšändärä-š* 'уверять', — *čaktara-š* 'пятить', *joγe* 'ручьем' — *roštke* 'чеканя шаг' (Галкин 1966 : 113—116, 135—136, 140), *ko-lžo* 'его рыба, рыба-то' — *lu-kšo* 'его угол, угол-то', *lümžö* 'его имя, имя-то' — *pörtšö* 'его дом, дом-то', *to-lza* 'приходите' — *ko-tsa* 'оставайтесь', *to-lžo* 'пусть придет' — *ko-tšo* 'пусть останется', *jo-lđämo* 'безногий' — *ki-ttäme* 'безрукий', *tazda* 'ваш таз' — *utu-kta* 'ваш утюг'. Встречаются слова, в которых даже при наличии благоприятных условий глухие согласные некоторых аффиксов не подчиняются прогрессивной ассимиляции по участию голоса. Поэтому в одной и той же лексеме могут соседствовать резко

различающиеся по звонкости или глухости согласные звуки. Такое произношение свойственно в различной мере и другим марийским диалектам: *purta-š* 'впустить' — *pura-š* 'входить', *ši-žāmse* 'осенний' — *ši-žām* 'осенью', *šonkala-š* 'раздумывать' — *šona-š* 'думать', *šā-lše* 'прячущийся' — *šāla-š* 'прятаться, спрятаться', *uvertara-š* 'известить' — *uβer* 'известие, новость'. Примеры свидетельствуют о том, что строгая регулярность в уподоблении последующего глухого предшествующему сонанту нарушается стремлением к сохранению прежнего звукового облика (Лаврентьев 1966 : 203).

2.1.3. На стыке частей композиты. При словосложении начальный глухой согласный второго компонента композиты подвергается прогрессивной ассимиляции по участию голоса, если окажется рядом с сонорным или с одним из звонких *z*, *ž*, *ž* конца предшествующего компонента, в соседстве же с любым другим согласным он сохраняет первоначальную глухость: *βašpo-lāš* 'взаимопомощь' < *βaš* 'напротив' + *po-lāš* 'помощь', *βūrpo-rno* 'кровеносный сосуд' < *βūr* 'кровь' + *ko-rno* 'дорога', *iđambe.če* 'огород' < *i-đām* 'гумно' + *pe.če* 'изгородь', *jolβarña.* 'пальцы ног' < *jol* 'нога' + *parña.* 'палец', *jolpo-rno* 'тропинка' < *jol* 'нога' + *ko-rno* 'дорога', *pižpo-m* 'рукавицы' < *piž* 'варежки' + *kom* 'корка', *sonarβā-l* 'радуга', ср. лит. *шонанпыл*, *šūkšonđalβu.č* 'вех ядовитый' < *šūkšonđal* 'дьявол, черт' + *puč* 'стебель', *urembe.če* 'палисадник' < *ure-m* 'улица' + *pe.če* 'изгородь'.

2.1.4. В предложении (на границе двух лексем, т. е. конца предыдущей и начала последующей) ассимилятивные процессы идут в таких же фонетических условиях, как и при словосложении. Наиболее отчетливо они проявляются в послеложных конструкциях и на стыке полнозначных слов, относящихся к одной и той же синтагме: *š'er γoč* 'через озеро' — *kup koč* 'через болото', *i-đām γāč* 'из гумна' — *le.βaš kāč* 'из сарая', *lo-māž dene.* 'золотой' — *βe-nāk tene.* 'веником', *sümürle-n γaja.* 'развалится' — *po.čālt kaja.* 'распахнется', *tul γahe* 'как огонь' — *šūč kahe.* 'как сажа', *kum γe.če* 'три дня' — *kut ke.če* 'шесть дней', *kož dūne-š* 'на комле елки' — *kā-māzlāk tūne-š* 'на стебле кислицы'.

2.2. Исследованиями установлено, что уподобление предшествующего шумного согласного последующему сонорному марийскому языку не свойственно (Грузов 1964 : 235; 1969 : 191; Лаврентьев 1966 : 204). Живая же диалектная речь допускает регрессивную ассимиляцию по признаку звонкости. Правда, спорадический характер этого процесса не позволяет сделать вывод об окончательном его укоренении. Такая картина в настоящее время наблюдается в единственном слове *poppeβa-l* < рус. *покрывало*, где озвончение *k* продиктовано индуцирующим воздействием начального сегмента дрожащего *r*. В древности это явление, видимо, еще не имело места, так как в исконных лексемах следы его не обнаружены. Данный вид уподобления следует считать инновационным, находящимся в стадии развития.

2.3. Действие регрессивной ассимиляции по глухости протекает намного шире. Суть ее заключается в том, что в основе слова последующий согласный уподобляет себе по глухости предшествующий звонкий: *jālyāšta-š* 'наводит блеск' — *jālyāža-š* 'блестеть', *jo-tšo* 'спрашивающий, пусть спрашивает' — *jōda-š* 'спросить' — *jo-tsa* 'спрашивайте', *kormāšta-š* 'брать (взять) в горсть' — *kormāže-š* 'в горсть', *ko-tšo* 'оставшийся, пусть останется' — *koda-š* 'оставаться' — *ko-tsa* 'оставайтесь', *ālāšta-š* 'оживить' — *ālāža-š* 'оживиться'.

В словах, вошедших из русского языка, регрессивная ассимиляция по глухости языка-источника сохраняется: *kruška*. (-šk-) < крушка (орф. кружка), *nedotka*. (-tk-) 'сеть для ловли рыбы' < недотка (недодка), *posatka*. (-tk-) < посатка (посадка), *trupka*. (-pk-) < трупка (трубка). Кроме того, в КУ нередки разные фонетические варианты одного и того же слова: *apta-bus* (-pt-) ~ *afto-bus* (-ft-) < автобус, *apto-ɣraf* (-pt-) ~ *afto-ɣraf* (-ft-) < автограф. Необходимо уточнить, что первый бытует в речи людей старшего возраста, слабо владеющих русским языком, второй — в речи лиц среднего и молодого поколений, пользующихся активной формой двуязычия. Отдельные заимствования типа *kartopka*. (-pk-) < рус. обл. картошка (-фк-), орф. картовка (СРГСУ 1971 : 18), *nožorka*. (-pk-) < ножошка (-фк-), орф. ножовка имеют общедialektnый характер и устойчиво сохраняют старую форму даже в речи лиц, освоивших произношение инновационного звука *ʃ*.

2.4. Помимо этого, имеется несколько случаев регрессивной ассимиляции по способу образования и месту артикуляции. Конечный согласный основы уподобляется начальному звуку глагольного окончания: *tüssä* 'закрываете' — *tüčä-š* 'закрывать', *šupssa* 'тяните' — *šupša-š* 'тянуть'. Такого рода уподобление может происходить и на стыке двух полнозначных слов: *pes_saj* 'очень хорошо' — *peš* и *saj*. Степень этой ассимиляции различна: у части представителей говора — полная (примеры см. выше), у другой же — неполная, и при этом предшествующий согласный сохраняет шипящий призвук (ср. соответственно *tüč^šsä*, *šup^šsa*, *pe^šsaj*) — это относится к индивидуальным особенностям произношения.

2.5 Взаимная ассимиляция. Фонологическая сущность такого вида уподобления выражается в следующем: в сочетаниях двух согласных предшествующий сначала уподобляется последующему по месту артикуляции, а затем он ассимилирует и воздействует на следующий за ним глухой по признаку звонкости. Так, действие двусторонней регрессивно-прогрессивной ассимиляции проявляется в словах *napraja-š* 'унести, увезти' < *na-lân* 'взять' (при словосложении звукосочетание -lâ- выпадает) + *kaja-š* 'уйти', *tenpe-če* < *тенкече 'вчера' (Галкин 1966 : 23). Этой закономерности подчиняются и отдельные старорусизмы: *pilänpä*. — вид гриба < рус. обл. белянка (СРГСУ I 42), *potiŋpa*. < поминки, *sareŋpa*. < запонки, *saslŋpa*. < заслонка, *čosŋpa*. < чесанки. Изменение гетерорганного сочетания -нк- на марийской почве произошло под действием взаимной контактной ассимиляции по месту артикуляции и звонкости.

Итак, для КУ характерны все виды уподобления согласных, свойственные марийскому языку. Более широкое распространение получила прогрессивная ассимиляция по участию голоса, регрессивное уподобление по звонкости-глухости менее регулярно. Указанным закономерностям подчиняются как собственно марийские, так и заимствованные слова.

Сокращения

СМЯ — Современный марийский язык. Фонетика, 1960, Йошкар-Ола; СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала I—II, 1964—1971, Свердловск.

ЛИТЕРАТУРА

- Галкин И. С. 1966, Историческая грамматика марийского языка. Ч. 2. Морфология, Йошкар-Ола.
 — 1981, Особенности гармонии гласных в горном и северо-западном наречиях марийского языка и причины их возникновения. — Вопросы марийского языка. Вопросы марийской диалектологии, Йошкар-Ола (ТМарНИИ, вып. 49), 31—43.

- Гордеев Ф. И. 1979, Этимологический словарь марийского языка I: А-Б, Йошкар-Ола.
- Грузов Л. П. 1964 (на обложке: 1965), Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, Йошкар-Ола.
- 1969, Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Учебное пособие для вузов, Йошкар-Ола.
- Исанбаев Н. И. 1975, Гармония гласных и ее виды в марийском языке. — Вопросы марийского языка. К шестидесятилетию Н. Т. Пенгитова, Йошкар-Ола, 18—31.
- Лаврентьев Г. 1966, Ассимиляция согласных в волжском говоре марийского языка. — СФУ II, 201—207.
- Махмутова Л. Т. 1978, Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка, Москва.
- Миржанова С. Ф. 1979, Южный диалект башкирского языка, Москва.
- Патрушев Г. С. 1970, К вопросу о русско-марийских языковых контактах. — Вопросы финно-угроведения. Вып. 5. Лингвистика, фольклористика, этнография, археология, Йошкар-Ола, 134—141.
- Черкасский М. А. 1965, Тюркский вокализм и сингармонизм. Опыт историко-типологического исследования, Москва.
- Alvre, P. 1981, Uurali keelte ajaloolise foneetika harjutusülesanded ja materjalid (konsonantühendid). Teine trükk, Tartu.

ANATOLIJ KUKLIN (Joškar-Ola)

ASSIMILATIONSARTEN DER VOKALE UND KONSONANTEN IN DER KRASNOUFIMSKER MUNDART DES MARISCHEN

In der Krasnoufimsker Mundart (KU) unterscheidet man zwei Assimilationsarten der Vokale: die palatale (*βüt* 'Wasser' — *βüdü-n* 'wässerig', *βüdüñdä-š* 'wässern, wässrig machen') und die labiale (*βuj* 'Kopf' — *βu·jyučunžo* 'von seinem (ihrem) Kopf'). Aufgrund der Assimilationsrichtung gibt es die progressive (*tiñ* 'du' — *ti·ñäm* 'dich', *kup* 'Sumpf' — *ku·pāšto* 'im Sumpf') und regressive Assimilation (*βičämbä-lne* 'auf dem Heuboden' — *βičä* 'Viehstall', *ümbä-lne* 'oben, auf', *človo-t* < russ. *пчело-вод* 'Imker'). Die progressive Angleichung ist sowohl im einheimischen Wortschatz als auch in den Lehnwörtern verbreitet, die regressive tritt hauptsächlich in den Lehnwörtern auf.

Die Konsonantenassimilation ist abhängig von der Stimmhaftigkeit oder Stimmlosigkeit, der Bildungsweise und der Artikulationsart. Nach diesen Merkmalen kann die Assimilation teilweise oder vollständig sein und in beiden Richtungen vorkommen. Die progressive Assimilation tritt in folgenden Fällen auf: a) im Wortstamm; b) an Morphemgrenzen; c) an Wortgrenzen in Komposita; d) an Wortgrenzen im Satz. Produktiv ist auch die zweiseitige (regressiv-progressive) Angleichung.